

О Л Ь Г А

М А Р Т Ы Н О В А

Ч Е Т Ы Р Е

В Р Е М Е Н И

Н О Ч И

о́льга ма́ртынова
четыре вре́мени но́чи

Франкфурт-на-Майне
30.1.98

Темнадию Моисеевичу
с уважением и симпатией
- Ольга Мартынова

Olga Martynova. Chetyre vremeni nochi (Four Seasons of the Night)

A poetry book

Copyright © Olga Martynova, 1998

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced, in any form
or by any means, without permission

Olga Martynova. Tschetyre wremeni notschi (Vier Jahreszeiten der Nacht)

Ein Lyrikband

Copyright © Olga Martynova, 1998

Alle Rechte vorbehalten

Ольга Мартынова. Четыре времени ночи

Книга стихов

Copyright © Ольга Мартынова, 1998

Авторские права © сохраняются за автором

Перепечатка какого-либо текста или воспроизведение его любыми другими средствами —
только с разрешения автора.

Идея оформления © Д. Закс, 1998

Idea of cover design © D. Zax, 1998

Ассоциация "**Камера хранения**"

Association "**Kamera khraneniya**"

D. Zax, Breslauer Str. 22, D-60598 Frankfurt am Main, BRD.

e-mail: D.Zax@t-online.de

Россия, 197343, Санкт-Петербург, ул. Матроса Железняка 33-55, Д.М.Закс.

Полномочный представитель автора и издательства в С-Петербурге Т.Н.МАРТЫНОВА

St. Petersburg — Frankfurt am Main

МСМХСVIII

Санкт-Петербург — Франкфурт-на-Майне

**Издание осуществлено при поддержке «БАД-ГОМБУРГСКИХ
ЧТЕНИЙ» (Бад-Гомбург, Германия)**

Dieses Buch erscheint mit freundlicher Unterstützung

der BAD HOMBURGER LESUNGEN (Bad Homburg v.d.H, Deutschland)

Ольга Мартынова

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ НОЧИ
(стихи 1993-1997 гг.)

Санкт-Петербург
1998

СУМАСШЕДШИЙ КУЗНЕЧИК

*Летит с кустов какой-то пух,
На соснах дрожит смола.
И птичьих клювов вечный страх,
И ледяная игла,
И ватка с эфиром,
Что веет над миром —
Всё у небесного кузнечика в руках.
Осы теняли мелькали в росе,
И густо-слоенные крылья ночниц
Черным снегом роились в овсе,
И медвяные дождики не начались,
Когда он прилетел,
Как листок пустотел.
— Так о чем твоя песня?*

*— О жирной земле,
О прозрачных плодах в звенящих садах,
О том, как можно в остывшей золе
Зарыться — не встопнит никто обо мне.
Было: сто тысяч таких, как я,
С земли поднялись во внезапно м огне,*

Казалось, что не
сжигая все, но наново края.
Среди голой зилы я очнулся один —
А воздух от жара дрожал —
Я себя ногами отгородил
И щеки руками сжал.
Пала тьма, блестяча, густа и жестка,
Как плаш какого-нибудь жука.
В этих крыльцах укрыл бы я без труда
Жалкую зелень стыда,
Но я мчался без времени и пути,
И я-то рад, что сумел найти
Этот край, где покой и роса,
И легкие небеса...

... Он остался с нами, всегда на былинке одной
Покачивается, взглядывается в пустоту.
Мы облетаем его стороной
(Что мы? — даже птицам невмозготу
приблизиться). Этот жалкий блеск,
Этот жаркий треск
большой и шумной его головы —
Во всех решетках росы и травы.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ НОЧИ

НА СКВОЗНЯКЕ ЕВРОПЫ

Так странно жить на сквозняке Европы.
Щелей пространства здесь никто не конопатит.
Четырехпалый ветер-клевер катит
Туда-сюда росу ненужных снов.

Рассохся стебель — ось розы ветров.

Карта передернула плечами
(Как будто мало было ей печали),
Лоскутный плащ разъехался по швам —
Никто и не заметил наготы
(Как будто бы Европа, умирая,
Скатилась в сад потерянного рая,
Где, впрочем, вытоптаны все лужайки,
И высушены все цветы,
Где только ветер, да песок сыпучий,
Да старые скрипучие лежанки...)

...на сквозняке эпического шага
не выдержать...

ПОДЛИННЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ НОЧИ

1.

Выходит дождь из-за угла
Сутулым шагом хулигана,
Ночь, необута и светла,
Достала из кармана
луну И встала возле вяза
Взволнованно и одноглазо.
В ее широких рукавах
Хлопушки, шелесты и хрусты,
И погремушки с тишиной:
Сейчас она швырнет одной
рукою страх
— Каштаны уронят каштаны —
Тогда она другой рукой
Рассыпет по дворам покой
— Отправятся спать хулиганы.
Бессмысленно и торопливо
Сворачивает ночь свои труды,
Сегодня дождь ее дружок,
Его лицо червиво.
Она, над ним прищурясь и склонясь,
Подбитым отраженным глазом
Глядит, как он заснул под вязом.
Мне страшно: вдруг ей скучно стало —
Тогда бы утро не настало.

2.

Небрityм сном забылся злой чечен.
Заснет и русский, лишь танку задаст овса.
Казак ехидный
Печь затопил и в теплую постель
улегся. Ночь заводит карусель
В расстрелянном курпарке для себя самой.
Она зимой
Страшней и тише. Равнодушный снег
Спускается к ее пустынному подолу,
И тихий свист в ночи неразличим.
Она скучает по ночной метели,
А время едет без билета на скрипучей карусели.

3.

«Топ-топ» — по кромке тротуара,
Под бутафорской стеной «тук-тук»,
На дне последнего пожара
Последним канет этот звук.
Так будет города обуглено лицо,
Что только каблучков ночных биенье
Из-под нахлынувших кустарников и трав
Пробьется (как нездешнее растение,
сухими пальцами булыжник разодрав).
Хоть некому (когда и города не будет)
Встать и пойти за лунной нитью следом,
Чтоб оборвать ее потóm,
Лишь спящей туфельки коснувшись на прощанье взглядом,

Уйти с своей котом-
кой дальше...
Тогда — «шлеп-шлеп» — по теплой грязи
Она на площадь бывшую придет
И бросит сено шкуре минотавра,
И волосы со лба убого отведет,
И станет ждать. Его лица
Не видно ей из-за венца.
Лишь месяц с узким ножиком в кармане
Потщится осветить ее (его?) в последнем (ли?) тумане.

4.

Не замечая биения страха,
Ступает по лужам. Рубаха
расстегнута, Косы
распущены.
Скоро проснутся осы,
Но она знакома не с ними,
А с мотыльками ночными,
Да и тех не знает в лицо.
Ночь быстрее проходит, чем наступает,
И, оскорбляя слух,
Поет холостой петух.
В земле шевелятся корни,
Молнии в речке блещут,
В небе смеются русалки,
Их плавники трещат.

ПЕРЕСАДКА НА КИПРЕ

вечерние тени
уходят ступенями вниз
к обесцвеченной пене,
ступенями ломких террас
к немокнущей паутине
киприды бесцветных волос.

здесь зелёны ромбы забора,
обветрены губы площа,
здесь поступь неслышного хора,
здесь черные молнии ласточек блещут, неслышно треща,
здесь ласточкина сноровка
легка, как душа нищеты,
здесь русская речь, как воровка,
хохочет из черноты,
здесь белые зонтики душно
накрыли террасу кофейни, забор и меня.

мне ничего здесь не нужно,
ничему здесь не нужно меня,
здесь сухая игла самолета
штопает неба края,
здесь где-то в неделях полета
гуляют лишь ветер да я,
здесь молочные сумерки рая
кажутся близкой судьбой,
здесь время рычит, умирая
на розово-черный прибор.

(на верхней террасе нестати
мне вздумалось было сказать:
когда-нибудь на закате
здесь время придет умирать.)

ЗВЕЗДЫ

R... усмехался вам из канавы и Ф... внимал с отдыхающего сенокоса,
ЗВЕЗДЫ! и мне были когда-то новы нежалящие ваши укусы.
одному вы пели хоры и гимны, другому
насвистывали отвлечение к дому, а я,

проходя по чужому лугу, по чужим следам, по чужому полю,
по чужому лесу, отдавая испугу от вашего шороха то,
что предназначено было вам,
знала только, что вы равнодушны и дики,
как дикие пчелы — равные души — в черных ягодах бзники.

ЗВЕЗДЫ! проходя по ухающей, голодной земле,
видя себя чужой и свободной всегда бродить по чужим садам,
по чужим дорогам, по своим следам,
я не догадывалась о многом,
о том, например, что скоро настольная лампа станет
мне интереснее ваших странноприимных, но равнодушных станов,
о том, что потом я уже никогда не выйду (в чужое поле,
где в центре воздушных переплетений
неприятно пахнет пыльцою каких-то растений)
под ваши холодные, никуда не летящие стрелы.

не зная этого, вашей вести
расслышать я не успела.

Так страшно ласточки кричат,
Как бы очнувшись ото сна.
Психея сонная, смотри-смотри:
Пласты земли и воздуха морочат
Своих жильцов — и травы, и крольчат,
И горних птиц, и корни остролиста.
Смотри-смотри: у ласточки внутри,
Наверное, туман иного зренья.
Не слышу я пронзительного свиста,
Не чую я, когда кипят коренья
У ведьмы под землей
И золотые щупальца хиреющего дня
Касаются ее дремучего вина.
И мир разъят.
И ласточки кричат,
Смотри, Психея:

Глина речи в начале была молоком,
медом, воздухом. В луче пылинки висели.
Мир был невесом. Как на карусели
можно было объехать бумажные дали:
Три ключа, Старинную башню, Теснину Дарьяла,
Холмы Грузии; Ласточки шумно сновали
в прорехах вечернего неба. Стояла
вечная осень. Мир был прозрачнобагрян и знаком,
и уютен, как конфета под языком.

Уплотняется мир, усиливается притяженье.
Пыль оседает, скатывается в шарики, вытягивается в паутину.
Дрожат колени от ласточкиного скольженья.
Чтобы сыскать ту башню, надо ее отстроить, размять эту глину,
(наследники бросили дом, чтоб не платить по счетам),
глина затвердевает, отпечаток крыла незнаком;
снег не тает; карусель вращается, но не там,
где растут три пальмы и роза лежит в фонтане.
Конфета теряет вкус — нетающим камешком под языком.

Но мир истончится снова, снова во влажном тумане
мелькнет холодное лезвие ласточкиного крыла;
рассыпется искрами пыльный ком;
На воде в птичьем гаме засвищет бедная флейта твоя,
глупый Тамино, испугавшийся нарисованного дракона;
и ручей побежит, огибая Мельницу. Замерзший пруд
покроют Желтые листья. Глина станет как воздух. Забьют

Три ключа, неясно о чем говоря,
чему-то вторя;
снова осень будет царить всегда, не зная закона
и благодати. И слишком быстро, чтобы это обдумать
растает мир, как конфета под языком.

ШКОЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Весна. Склоняет некто ухо
Над странным и неряшливым столом.
Там разговор, склонясь над сливой,
Ведет косматая старуха.
Под ватною пятою сна
Она была там, где...
И в злом лице красивом страх и мука.
Так говорит она: «А ну-ка
•Мой сон доразгадай.

— Он улыбается довольно сухо —

•Я вброд ручей перехожу.
•Я в белом платье.
•Я суженого нахожу.
•Он мне кольцо надел на палец.
•Оно ползет, оно шипит.
•А я уж на крыльце сижу
•И между пялец
•Узор мигает и дрожит.
•И вдруг с канвы как поднялся —
•То конь стоит передо мной —
•Как вал морской. Бежать нельзя.
•Он уж давит меня пятой
•И плетью бьет. Ну я проснулась.
•И чаю выпила. И слив поела...»

— Старуха замолчала и надулась —

Он вышел на крыльцо. Парадный снег
Был холоден и сух.
И площади казенные лежали.
Река текла. Невинных обижали.
Обидчики читали Ничше вслух
С неряшливым акцентом новой речи.
Обиженные тоже. Место встречи
На фонаре. Потом качнуться вправо.

— Там он провозгласит:
«Тройка». «Семерка». «Дама».

Линия неба, вид одинокой горы или горной гряды,
Отдельно стоящее дерево,
Лес, в середине года и дня скрытый солнечным дымом.
Вечер, отенивший собою дневные труды,
В утреннем небе кустарник дыбом,
Или дождь. Сколько надо усталости, чтобы любить эту
На склоне дней, дня, праздность, не пугающую тщетой,
Полет сарыча над вспаханным полем, запах коровы,
Чужого пота, виноградника, какую-нибудь приметку.
Как мало или наоборот как много надо видеть за той чертой,
Которая приближается на склоне дней, дня,
Когда ангелы из среды огня
Глядят. Их лица праздны, суровы.

АЛЛЕГОРИЯ

Путник, все, что ты видишь, едва ли стоит того.

Едва ли стоит усилия твоего и вниманья.

Бесцветные мотыльки незаметно обращаются в дождь, потом в снег,

Потом в медленный пепел, который кружит на дне.

Всегда?

Сон разума порождает еще один сон.

Стоит ли расчислять, сколько еще чудищ

Ходит вокруг колодца, что обнесен

Шипящей изгородью и вырыт не в недра, а в недра неба?

Вода

Заполняет дырявые ведра,

Данаиды уходят во тьму — мокро сияют их бедра.

Спи, разум. Тебе не угнаться за нежным их жалящим роем.

Спи, разум. Красавицы достаются героям.

Путник, уже очевидно, что, войдя в вожделенный сад,

Все разом забудешь, не станешь глядеть назад,

Стоя под дугами гудящих, вечно-цветущих веток,

Одетых в дешевое кружево хмеля.

И когда развернут перед тобой этот постылый свиток,

Белый, из ломкой, как первый лед, бумаги,

Ты напишешь «виновен», не сверяя счетов,

И встанешь, ожидая возмездья, в луче
Сухой, желтой, пахнувшей медом пыли.

Но поскольку тебя не задержит никто (ничто),
Пойдешь дальше, не зная дороги,
С ноющей болью в плече,
Так и будешь идти, пока не заснешь,
А проснешься в вечно-цветущем саду —
Лепестки будут тихо, как пепел, падать вокруг.
И ты снова заснешь, а проснувшись, напишешь «виновен»
В конце тяжелой, пахнувшей жиром и пеплом книги.
Облачко пара поднимется от бумаги
Бесцветной бабочкой, и — за ограду.
Пойдешь и ты по следу, подобный зверю или какому-то гаду,
И придешь, наконец, к благоуханному, никогда не плодоносящему саду.

Сорвался с туч неспелый луч.
Заря-заря походкой торопливой
Прогнула облачное белье.

Ленивый зимний день червивый
Не даст сюжета. И не мучь
Его. Не тереби ее.
Она, заря, уйдет, качаясь.

(Набухнет сырость ноздревато,
Зима ни в чем не виновата.)

Зари обиженная песня
Скользит, не отличаясь
Ничем от песенки гугнивой,
От вьюжной песенки гугнивой.

(Набухнет сырость ноздревато,
Зима ни в чем не виновата.)

Заря-заря своей ленивой,
Бездумной, лживой, торопливой
Походочкой всё прыг да топ —
Легла в светлеющий сугроб
И до весны уснула там —
Цветет подснежник по пятам.

ЕВРОПЕЙСКОЕ УТРО

Шоколадные женщины (длинные груди, крепкие ноги,
глаза животных, презрительно выпуклы губы),
Ядовитая зелень, солнце, плоды.
Краски — просты, мазки грубы,
Помнишь эти сады?

Это — давно, Гоген и Магóген.

За пальмами страшные спрятаны боги.

Европа устала. На цыпочках, на берегу океана
Ждет быка.

В порту, рядом с рыбачкой и проституткой,
Обиженно смотрит на волны: *Бык! шуткой*

все было... Домой, обратно,

где жизнь была — и была легка,

и кожа нежна, как сметана,

домой... Здесь останутся камни,

А дома, в раю,

Домашние боги будут есть с серебристых бумажек
Шоколадную кровь твою.

Или бык не приплыл, или ты не хотела обратно.

Уж и камни остыли, и солнце село за край
твоей стираной юбки. И пятна Уже не смущают.

Закрой глаза, умрай, — Шепчут старые боги.

ХРОНИКА

Эльке Эрб

Лангобарды, алеманы, готы
шли налегке, потому что нечего было им положить в котомки,
На юго-запад, хотя вряд ли они это знали.

От голода, насекомых в золотых кудрях, голодной рвоты
Они падали, их синим глазам открывались небесные дали.

Свирепые великаны и хрупкие женщины, шли они по болотам,
До времени не требуя крови, молчали их темные боги,
Потому что им, лангобардам, алеманам, готам,
Негде было и ставить жертвенные треноги.

Сенека резал вены, Веспасиан зарабатывать на сортирах,
Христиане прятались в тесных ходах кротовых,
Персы слушали, что говорит Заратустра,
Да мало ли всего было; только самых голодных, сырых
И потому в большей степени ко всему готовых,
Чем остальные из окрестных народов,
Их, лангобардов, алеманов, готов,
Мало кто принимал в расчет. Да и брать-то с них нечего было.

Всё, что они умели — это варить сероватое мыло,
Строить жалкие хижинки и убивать.

Убивать на охоте, на поле сраженья, у капищ,
Убивать сытых римлян, голодных болотных чудид,

Каких-то селянок неизвестных племен, разных уродов,
Неверных жен, впрочем, это в заводе
Было не только у них, лангобардов, алеманов, готов.

Был чуден Рейн при тихой погоде,
Легионеры скучали, империя умирала,
Зигфрид смотрел на Запад, ковыряя в носу,
И на удивленье тихо было в тот день в лесу.

Когда удлинятся тени и крылья стрекоз
Вытянутся вдоль реки замедленными огнями,
Время неслышно бубенчиками тряхнет и коз
Загонит под крышу вечера... И с тенями
Тиканье тихих часов неслышный ведет разговор.

Или

Когда уже светает, и чай остыл, и водка
Теряет вкус в предутреннем растворе,
Какой-то неопрятный сор
· Неслышно оседает... В разговоре
Страх перешептывается с тиканьем тихих часов.

Все, в чем проступает неслышное слово «пора»,
Прологом к несбывшемуся представлению начинает теперь казаться,
Когда пьеса уже прочитана, и игра
Юбками шелестит, и не на кого огрызаться,

Но можно еще помедлить и выпить остывший чай,
И можно еще представить какого-нибудь китайца,
Оказавшегося по ту сторону великой стены,
Оказавшейся не каменной, а временной кладки,
Можно ясно увидеть, как его простодушные сны
Проскальзывают сквозь невидимые складки,
Подобные тиканью тихих часов.

Что ветер за окном бубнит?
Что пел сто лет назад?
Как толстый лед над озерцом,
Так жизнь вокруг стоит.
То девочка с испуганным лицом
Продышит маленькую лунку на окне,
То память толстая шевелится в луне,
Приманку ищет ртом, одышливым, брюзгливым.

...каждая женщина, выходящая из воды — Венера,
Даже если она старуха или ребенок.
В каждом парке деревья стоят, как сестры,
даже если это дубы; Дриады поют, спросонок
забывая об осторожности, меняя регистры;
Ранним утром ходят поздние боги, проверяя свои реестры,
По дорожкам любого пыльного или пышного сквера.

Мир отдан женщинам, как намекал один русский писатель.
Они хлопотливы, любопытны и небрезгливы.
Любопытны, хоть все кажется смутно знакомым,
Даже страх, даже высокое небо. Торопливы,
Хоть знают, к чему спешат. Стрекоза
Только делает вид, что удивленно тарацит глаза.

Сова, когда она летит по ночному лесу,
Забывает, что знала, сидя в дупле.
И тогда лунный свет, отраженный в древесной смоле,

Ей кажется золотом. Возвращаясь в дупло,
Она забывает полет. Ей сонно, тепло. Они забывчивы.

...Ветер бубнит, ему все равно,
Что здесь за сто лет до него звучало
Поэтому его тело устранено,
Он весь состоит из одного звучала.

Что ветер за окном поет?

У меня есть четыре подруги, четыре времени года.
Играть с другими то ли скучно мне, то ли страшно, а то ли стыдно.
Иногда я люблю больше всех зиму. Ее почти что не видно
за свободными белыми платьями. Иногда я рада,
Что одна уходит, чтобы пришла другая.
В сущности, больше всего мне нравятся их подарки:
Дым над крышами, по колено в воде стоящие арки,
Вышивка ласточки шелковая, дорогая...

Наискосок летит путаный почерк природы,
Пущенная в никуда стрела звенит, баюкая ли, угрожая...
Мужайся, сердце.., а дальше я не хочу помнить.
Толпятся годы.
Творит природа, по памяти умножая.

Сонные летние вечера, длинные тени.
Осени холодящее солнце, как вином обрызганные платаны.
Черная грязь невской зимы. Ледяные ступени,
Ведущие в никуда.
Весны набухшие вены.
Вот и все, что память хранит в обертке своей шершавой.

Да еще некоторые дома над Невой, над Влтавой.

ЭКЛОГА

Деревья закрыли глаза.
И ветер скользит безучастно по сморщенным векам.
В морщинах скребутся жуки.
Птицы: кто криком, кто свистом, кто стуком, кто смехом
Дают понять, что они тоже где-то.
Но всем им (и еще много кому)
Не о чем говорить. Роща раздета,
В ее наготе ни бесстыдства нет, ни кокетства...
Река обегает холмы, как плохая хозяйка свои кладовые.
Пан, кутаясь в плащ, уронил свою дудку,
И ветер не хочет свистеть песни свои даровые.
Пан — старый, он машинально перебирает бородку,
В которой скребутся жуки.
Его красные глазки слезятся, он их закрывает.
Ни похоть, ни ярость его не тревожат, ни ярость, ни похоть.
Холодная речка ноги его омывает.
Он бормочет какую-то то ли мольбу, то ли обиду.
Уплывает счастливая роща, постепенно теряет его из виду.

Время — клубок, из которого тонкие пальцы
райских работниц ткали вечные сумерки рая.
Так мало пряжи у них уходило, такой легкой была работа:
густое золото небесного края,
его отражение в прудах,
шмели, сваянные из той же нити
(ее хватало еще для меда,
для яблок, для круглых глазок змей, —
так просто было вы ткать в этих садах
живущую неподвижность, что пальцы теряли споровку,
и однажды клубок, ускользя из рук, покатился,
покатился.
Так перепутались нитки,
как будто бы ткач
израсходовал в ночь
весь райский запас
и в нас
этот клубок превратился).

Свет тускнеет. Чему мы обязаны этим?
возрасту, времени суток, времени года?
Болит ключица. Опять же — возраст, ревматизм это или погода?
Тоже какая разница?
Если выйти из дома, окажешься в большем доме,
Окажется, что нежной затхлостью пахнут осенние кладовые,
И паутина болтается по углам,
И старые листья шуршат, желтея,
Как билетики и афишки в комнате старой актрисы.
И пыльный луч делит комнату осени пополам.

Но мир всё равно взволнован, и
как всегда нежно дрожат все поверхности мира,
Постоянно меняя свои очертанья.
Вот, например, трепещет иней на острых листьях осоки,
Или вода, сама замерзая, баюкает ледяное солнце.
Для кого разложены яства этого пира?
Кто выпьет прокисшее это вино узнавья,
Чтобы потом годами слушать прощальную песню,
Превращаясь в пейзаж, теряя границу
Между собой и морем, воздухом, снегом;
И, наконец, белой пылью лечь на свою страницу?

ОПЕРА

Бедный, бедный Тристан. На дремотных волнах
раскачалась страсть, как буря.
Звонкое это питье электрическим бегом в зубах
осталось и внутрь проникло, костную мякоть буря.
Столько прелестного в мире: Львы и Драконы в лесах,
Волшебный напиток познания, Напиток бессмертья, Девы-цветы,
Англия в топких снегах, Волшебники в колпачках
и плащах. Что толку видеть всегда дорогие черты
Во всем, что тленно.
Тлеет в камине тепло. Англию всю замело.
Плохо рыцарем быть, если на сердце скверно,
Не заснешь, не снимая доспехов — задавят.
Не рухнешь в беспамятстве пьяном — всех разбудишь.
Не вытрешь слезу под забралом.
Вагнер покрыл равномерно
твои дорогие черты. Темным лаком, Изольда,
Хрупкая дева, с чуть вытянутым носом,
С тьмою длинных ресниц, узких глаз,
С сединой, что прошла по косам,
В час,
Когда судьба отказалась
играть с тобой вместе...
Море на севере, как беспокойная дева,
Хранит в своей глубине страшных чудовищ,
Чьи щупальца обвивают арфиста, не слыша напева.

Д.З.

Кто даст мне воду, источник слез?
Вон лес стоит на кромке небес
И ссохшиеся топырит сучья.
Всё, что в нем пело, улетело вон,
Не шелохнется вуаль паучья,
Воздух застыл, вбирает звон.

Кто даст мне трепет, источник грез?
Вон отшельник обходит отдаленный лес,
Отшельник, позабывший, откуда он взялся,
Для чего он ушел в эту дикую сушь...
Ни души рядом с ним, только тощая мышь,
Ни росточка в лесу, только плющ вчера где-то вился.

Кто даст мне отвагу, источник слов?
Здесь дует в лесу изо всех стволов.
Кто даст мне память, источник горя?
Этот лес спустился с семи холмов,
Вот стоит, понурился свои семь голов —
У корней шумит отдаленное море.

Кто даст этому лесу источник?
Не то он ружнет легко и сыпко,
И брёвна оближет песчаное солнце.
Душа, серебристая вялая рыбка,
В заоблачных недрах ленивый заочник,
Вот иссыхает твое отдаленное тельце.

БАСНЯ

Прогрызши яблоко, — до середины,
До горьких семечек, до жестких перепонок —
Червь оглянулся, без воды затоплен
Пахучей мякотью. И звóнок
Был воздух и горек.
Он выбрался наружу,
В игольчатую стужу
Осенней мороси и гнили.
В небе звезды не мигая стыли.

- О яблоко, тебя я помню
- Еще цветочком розоперстым...
- И завязь нежную твою...
- Мне все равно: я Червь, я Раб,
- Я Бог в соку твоём округлом.
- Я не боюсь колючих трав.
- Быть может, я вообще бессмертен...
- Я гусеница, может быть!
- Но ты — так сморщилось, раскисло.
- Перегорел твой сладкий сок,
- И в звездном небе ты повисло,
- Как пошлой осени кусок.▪

...im Winde
Klirren die Fahnen
(Friedrich Hölderlin)

Однорукий шарманщик. Невидимый ветер приносит
запах печеных каштанов. Зима.
Обезьянка в мятой жакетке с плеча чужой обезьянки
(бунин в линиялой обложке. Юг. Европа. Берег недалекий,
сараяво за поворотом).
Не пой при мне, бумажная пыль, песню детства.
Хромая музЫчка. Ветер невидный-неслышный
сметает фантики, бантики, билетки и окурки.
Но пыль оседает. Бумажная пыль. Никуда от нее не деться.
Ходит-бродит германский народ, по преимуществу турки,
мимо шарманки и обезьянки туда и обратно.
Странный труд у меня: продувая пыль, бормотать невнятно
то, что сказано внятно было вчера.
Ветер уносит бумажки. Незнамо куда. Хромая музЫчка.
Жизнь оседает, как жирная пыль, тяжело.
А незнамо куда тем временем столько всего намело.
Берег дальний. Ветер невидим. Кавычка.
Дребезжат на ветру флогера.

ПО ТУ СТОРОНУ МОСТА

Если даже сознание и бродит по ту сторону моста,
Угодив незаметно на третью грань листьев,
В сады солнечных бликов, лунных лужиц,
В сады Гекаты или, наоборот, Персефоны,
Куда (бедный Тиресий!) приходят живые со своей назойливой кровью,
Если даже сознание, и там не найдя себе места,
И возвращается (мало ли дверок между мирами?),
Если оно, уцепившись за хвост змеи, за пальцы совы,
и возвращается, Скрипнув невидимой дверью,
Оно лишь пугает подобьем ночного кошмара,
Застывая на веках неразличимой полоской.

Если даже уйти из дома, оставив книги
(Или, жалея, отдать их в хорошие руки?),
Закрывать глаза, открыть, ничего не зная,
Все равно ничего не скажет змея, засыпая на груди кожиц.
И, конечно, сова на рассвете, выпадая из яви,
Ничего не скажет, клюв отирая от крови
О кожу груди.

Ее низкий полет между стволами пугает:
Развернув свои крылья, выслеживая змею,
Она теряет совиность свою.
Сидеть бы ей на плече Минервы,
Или в дупле, старчески пурясь на солнце,
Или в зоологической клетке на ветке,
Всегда без движенья.

Летя, она смотрит не удивленно,
Не надменно, а испуганно и жестоко.
Это ли разум, пусть угасающий постепенно,
Чтобы стать холодной золою лунной,
Разбросанной по вселенной?)

(А что можно сказать о змее,
О твари, обреченной ползать на брюхе?
Уползающая — неуловимость мысли?
Вечно скользящая — мост от сознания к природе?
Вряд ли можно гулять по нему туда и обратно,
Если даже природа узор, а не случайные пятна.)

—

Мне снился сад, наполненный чужими
цветами. Сад, наполненный чужими
плодами, пчелами, ежами
и змеями. Наполненный чужими.
И, как это бывает наяву,
Мне было не спросить, зачем я в нем живу.

На смерть И.Н.

Там в глубине само по себе на цыпочках ходит кино.
Белые корни шевелятся в черной земле.
Тускло блестят доспехи, кости, какие-то железяки и стёкла,
Чья-то жизнь, что здесь, наверху, уже стерта,
Как монетка блеснула и в узкую щель провалилась, —
Заполняет собою экран.
Двигается лента. Здесь, наверху, туман.
Утром все парки обернуты в мягкую морось.
Шаркая, заполняет зал все, что не стерлось:
Сначала мусорщики, бегуны и терьеры,
Потом серолицые женщины и мужчины,
Потом все возрасты, все цвета и размеры —
Все покорны любви, все цветут, все молоды и незнакомы.
Двигается лента. Каштан, как пожилой баритон,
Смотрит вверх подведенными белым глазами.
Там, высоко, сквозь линялый картон
Проступает чаша весов с настоящими небесами.
В ней ветер поет свою песню, выдувая с нажимом
Через все пустоты. И не трудно: там всё пустоты.
Там расставлены серолицым женщинам и мужчинам
Сквозные длинные лестницы и черно-белые пулеметы.
Крутится лента. Все полые трубочки мира
Крутятся вместе — самоходные глухонемые бобины.
Здесь, наверху, уже вечер. В серых парках все так же сыро.
В желтом вечернем свете переминаются женщины и мужчины.
В другой чаше без просыпу спит Геката...

Платан, как тенор — стоит, опустил все ладони,
Смотрит вниз и в угол, как его учили когда-то.
Крутится лента. Обрывается. В зрительном зале волнение.
Пропал кусок. Мы не увидели, кто на троне.
Сеанс начинается, белые корни приходят в движение.

БУКВЫ КНИГИ ТВОЕЙ

буквы книги Твоей щетинисты и непонятны.
дождь перелистывает страницы.
какие-то пятна
мешают всмотреться в слова.
зимний запах корицы
летает над снегом бумаги
и болит голова.

чтобы что-то прочесть из нее, надо долго смотреть на картинки,
головолмки, вклейки,
переворачивать воздух, как ворох прогнившего платья.
и все равно
буквы книги Твоей слетаются в стайки
и улетают. страницы звенят как льдинки. но

запах старой бумаги стоек,
а буквы книги Твоей непонятны, как будто сердиты,
корень ученья горек,
плоды его ядовиты.
черный дрозд прилетел, перевел, просвистел:
— когда радости лета наскучат тебе,
ты не полюбишь зимы...

когда распускается дуло невидимой тьмы,
буквы книги Твоей начинают тускло светиться, как окна
в полных залах,

а чтобы не было страшно,
перелистываются страницы.
и дождь идет, как всегда, сюда,
останавливаясь у границы.

ВОЗДУХ-ОДУВАНЕЦ

Воздух — одуванец колючий и непрочный,
Но невидимые твари в нем свили столько гнезд,
Что он не разлетается, а ими замороченный
Только перемигивается с пузырьками звезд.

Возможно, шеренги планет,
Выстроенные по-птичьи,
И пузырьчатый свет
(Отсветов лапки паучьи),
И гулкие ямы полночи,
И мягкие сферы полудня,
Всё еще ничего не знача
(Даже размеров небесного студня
не рассчитать),
Так напугали молчаньем, прозрачной тенью молчания,
что пожелтел и сник,
В дудку разума оборотившись, когда-то бездумный, веселый,
зеленый и острый тростник.

Ни вулканы, в которых рычали драконы,
Ни узкие змеи в песках,
Ни толстые змии, ни острия
Белых сабель, что лишней музыкой остывают в ушах,
Ни тела, что пылятся в висячих садах
Славы и чести, фонтанчики крови струя,
Ни чумные повозки на пирах опустелых,
Ни странные сказки больших городов пустотелых —

Но только молчанье небес,
Только отсутствие эха:
Так ребенка пугает дремучий лес,
Щекотка ночного смеха.

Во все свои дудки надулся окоченевший тростник,
Но звук к нему не вернулся, в белесое небо проник.

ПИСЬМО К КИПАРИСАМ

Как вы там, мои кипарисы зимой?
Скользите террасами Кипра вниз, к морю в холодной пыли?
Бредете уступами Крыма наверх
Поступью деревянной, хромой?
— У меня зимой тоже болят колени — .
Наверх, где призрак бахчисарайского хана, навек
Заключен в елочный шарик, в хрусталик моего языка...
Стоите на склонах Прованса? в ознобе и лени,
На склонах Прованса.? неужто и там тоска
Зимы и лень зимы сильнее стакана,
В котором летний плещется виноград?
Все так же ли воздух наполнен шалфеем,
Чабром, чабрецом, розмарином, тимьяном?
У меня на севере нежный, шелковый, ставший ломким шалфей
И разномерные щеточки чабра, чабреца, розмарина, тимьяна
Томятся в ведерке в виде сухого букета,
И в виде приправы к нежному мясу томятся в недрах буфета, —
Но воздух в комнатах ими совсем не согрет.
Согрет ли ваш воздух колючками пыльных полей?
Здесь у меня не осталось ни ласточки, но зато
Электрический ветер в экране трещит, как цикада.
Ваши цикады, наверное, спят в дуплах остывшего сада,
Если не выдуты, мертвые, в зеленую пропасть с плато?
Кипарисы! ваши зеленые шубки от изморози поседели.
Вам снится, что скоро вернется роскошь прежнего лета,
И мы вернемся туда, где мы с вами на год постарели,
— А там все чирикает, в новые шубки одето — .

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ НОЧИ

1.

Мир накрыт веселой тенью,
Размалеванной некстати:
Душно, хлопотно, бездушно
Краски жирные текут,
Чтобы не было так страшно,
Чтобы не было так скушно,
Чтоб не видеть, как у смерти
Слюнки тонкие текут.

2.

Облако, смоченное луной,
Лежит на небе дырявой тряпкой.
Ночь на своем языке говорит со мной
О пустяках мироздания, больше занятая уборкой.
У нее много забот: расставить все на свои места,
что день бездумно сдвинул — Ему ведь нет дела,
что там, где горела радуга, стоит пустота
в звездном плаще, Что в саду поредела
лунная тень куста.

Заснули птицы в колючих гнездах.
Спят женщины в линючих постелях,
Ночь смотрит на них,
Почти завершила уборку:

Омыла воздуха вспотевшие коленки,
Заштопала от бублика радуги дырку, сбила пенки,
(Их надо разбросать перед рассветом,
Чтобы изобразить клочки тумана,
Утро не подумает об этом).
О пустаках мироздания, что вспомнила, рассказала.

Я свет гашу, ночь зажигает свет и с кошками ложится спать на крышу.
Высохшее облако звенит и будит женщин, но я не слышу.

3.

Звери едят друг друга
В нежной роще ночной.
Пахнет сыростью луга,
И затхлостью речной.
Если бы в мире были
Только голод и страх,
Прекрасные волки были
бы В наших садах,
Хитрые змеи летали
бы На краю небес.
Кометы мели хвостами
бы Наш маленький лес.
Не выходя из рая,
Ни совести ни стыда
Не зная, не умирая, —
Кто были бы мы тогда?

4.

В Летнем саду сейчас
Сумрачный день угас,
Боги и нимфы дремлют
Не закрывая глаз.

КУЗНЕЧИК РАЗУМНЫЙ

Прожилки придорожных трав
Не учат, даром взор пленяя,
Но ты, кузнечик, тоже прав,
Их зелени не изменяя.

Я слышу горький стрекот твой
О том, что в мире от начала
Добро и зло в один завоёв
Собой прароза заключала.

И если зло искоренит
Кузнечик неба всемогущий,
То и тебя испепелит
Огонь, с собой добро несущий.

И ты стрекочешь в умиление.
Пусть дней твоих тебе не счесть,
Ты лишь в последнее мгновение
Увидишь мир, какой он есть.

ПЕРЕЧЕНЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

<i>Сумасшедший кузнецик</i>	5
На сквозняке Европы	9
Подлинные похождения ночи	
1. «Выходит дождь из-за угла...»	10
2. «Небритым сном забылся злой чечен...»	11
3. «Топ-топ» — по кромке тротуара...»	11
4. «Не замечая биения страха...»	12
Пересадка на Кипре	13
Звезды	15
«Так страшно ласточки кричат...»	16
«Глина речи в начале была молоком...»	17
Школьное чтение	19
«Линия неба, вид одинокой горы или горной гряды...»	21
Аллегория	22
«Сорвался с туч неспелый луч...»	24
Европейское утро	25
Хроника	26
«Когда удлинятся тени и крылья стрекоз...»	28
«Что ветер за окном бубнит?»	29
«У меня есть четыре подруги, четыре времени года...»	31
Эклога	32
«Время — клубок, из которого тонкие пальцы...»	33
«Свет тускнеет. Чему мы обязаны этим?»	34
Опера	35
«Кто даст мне воду, источник слез...»	36
Басня	37

«Однорукий шарманщик. Невидимый ветер...»	38
По ту сторону моста	39
«Там в глубине само по себе на цыпочках ходит кино...»	41
Буквы книги твоей	43
Воздух-одуванец	45
Письмо к кипарисам	47
Четыре времени ночи	
1. «Мир накрыт веселой тенью...»	48
2. «Облако, смоченное луной...»	48
3. «Звери едят друг друга...»	49
4. «В Летнем саду сейчас...»	50
Кузнечик разумный	51

Стихи Ольги Мартыновой публиковались в журналах: «Аврора» (Ленинград), «Волга» (Саратов), «22» (Тель-Авив), «Континент» (Париж), «Сумерки» (Ленинград/С.-Петербург); в газетах: «Русская мысль» (Париж) и «Вечерний Ленинград/Петербург»; в альманахах «Камера хранения» (С.-Петербург, №№ 2—6) и «Незамеченная земля» (Москва—Петербург). В переводе на немецкий — в антологии современной русской литературы «Auf der Suche nach dem verlorenen Leid», Berlin, 1994.

Отдельные книги:

- Поступь январских садов», М., 1989 (в составе конвольютного издания «Камера хранения»)
- Сумасшедший кузнецик», Спб., 1993
- Четыре времени ночи», Спб., 1998

Из отзыва парижской газеты «Русская мысль» на предыдущую книгу О. Мартыновой: «...*Это одна из тех книжек, с появлением которых обрела наконец очертания поэзия двух последних десятилетий, невозмутимо отвернувшаяся в свое время от официальной литературы и щедро одаряющая теперь читателей. ... На смелом и правильном расчете держится в поэзии Ольги Мартыновой равновесие гармонии и алебры, являясь в новом — давно забытом старом — свете. ... Книга Ольги Мартыновой многообещающе заканчивается на очень высокой ноте, несколькими замечательными, совсем недавно написанными стихотворениями. Особенно хорошо последнее, давшее название сборнику и как бы суммирующее пройденный поэтом путь...*» (Галина Погожева, «РМ», №4019, 3—9 марта 1994 г.). Этим же стихотворением открывается, точнее, как своего рода эпиграфом и камертоном, предвзрается новая стихотворная книга Ольги Мартыновой «Четыре времени ночи». Сборник включает в себя стихи 1993—1997 гг.

КНИГИ АССОЦИАЦИИ “КАМЕРА ХРАНЕНИЯ”

Камера хранения. Четыре книги стихов. М., 1989, 208 стр.

Олег Юрьев. Стихи о небесном наборе.

Ольга Мартынова. Поступь январских садов.

Дмитрий Закс. Прекрасных деревьев союз.

Валерий Шубинский. Балтийский сон.

Камера хранения. Выпуск второй. Спб., 1991, 256 стр.

Камера хранения. Выпуск третий. Спб., 1993, 222 стр.

***Камера хранения. Выпуск четвертый.** Спб., 1994, 208 стр.

***Камера хранения. Выпуск пятый.** Спб., 1996, 144 стр.

***Камера хранения. Выпуск шестой.** Спб., 1997, 140 стр.

Литературные альманахи.

Олег Юрьев. Прогулки при полной луне.

Спб., 1993, 144 стр. ПРОЗА.

Олег Григорьев. Двустигия, четверостишия и многостигия.

Спб., 1993, 124 стр. “XXX ЛЕТ”.

Ольга Мартынова. Сумасшедший кузнечик.

Спб., 1993, 86 стр. СТИХИ.

Сергей Вольф. Маленькие боги.

Спб., 1993, 96 стр. СТИХИ.

Дмитрий Закс. Agia d'acquaio и другие стихотворения.

Спб., 1994, 104 стр. СТИХИ.

Леонид Аронзон. Избранное.

Спб., 1994, 102 стр. “XXX ЛЕТ”.

Владимир Губин. Илларион и Карлик. Повесть о том, что...

Спб., 1997, 128 стр. ПРОЗА.

Ольга Мартынова. Четыре времени ночи.

Спб., 1998, 54 стр. СТИХИ.

*Издания, помеченные *, за пределами бывшего СССР — только через книоторговую фирму Kibon & Sagner (Мюнхен). Остальные — также через издательство.*

В ближайших планах редакции:

«первое второе и третье» Дмитрия ЗАКСА — собрание «очерков затонувшего мира», как известных читателю альманаха «Камера хранения», так и совершенно новых.

«ЛЕНИНГРАДСКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ» (от переименования до переименования) — составленная и откомментированная Олегом ЮРЬЕВЫМ маленькая антология великих ленинградских стихов.

Новая книга стихов Сергея ВОЛЬФА.

Выход этих и других книг находится известным образом в прямой зависимости от денежных обстоятельств издательства и не может быть гарантирован.

КХ

П Е Т Е Р Б У Р Г ♦ 1 9 9 8